

ЮРИДИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФОРМА ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ¹⁹

И. В. Колесник, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (Ростов-на-Дону, Россия).

Аннотация. Материалы данного номера представляют собой диссертационное исследование посвящённое рассмотрению теоретической модели правоприменительной технологии, её функционирования и совершенствования.

Ключевые слова: юриспруденция, правоприменительные технологии, правосудие.

Юридическая практика имеет разнообразные проявления, поэтому в современной теории права предпринят ряд успешных попыток сформулировать понятие «юридическая деятельность», определить ее основные характеристики, структуру и виды²⁰. Результатом фундаментальных исследований указанных и других аспектов юридической деятельности явилась разработка прикладных проблем юридической техники и юридических технологий.

Причем полагаем, что сложившиеся в научной литературе и приведенные выше представления о соотношении юридической техники и юридических технологий как о родовых образованиях, обслуживающих своим инструментарием юридическую деятельность, не являются убедительными и соответствующими современным потребностям теории и практики. Одними учеными они рассматриваются либо как часть и целое (такое видение соотношения техники и технологии, как уже отмечалось, разделяют, например, С.С. Алексеев, В.Н. Карташов, А.А. Деревнин, Т.В. Кашанина), другими жестко разделяются как самостоятельные явления и понятия (эта позиция характерна для Н.А. Власенко, К.Н. Княгинина и некоторых других ученых). Разумеется, их разграничение в рамках юридической деятельности обоснованно и необходимо, но это разграничение существует как их диалектическое взаимодействие, взаимопроникновение.

Юридическая технология фактически «вырастает» из юридической техники, которая при современном уровне научного и практического интереса к прикладным аспектам осуществления юридической деятельности во всем многообразии ее видов приобретает характер особых системных знаний, выполняющих специфические функции в рамках общей теории права.

Однако следует отметить, что юридическая технология является не единственной существующей в теории права и отраслевых правовых науках концепцией, в рамках

---

¹⁹ Статья представлена магистром социальной работы Т.М. Хусяиновым (Нижний Новгород, Россия). Научный руководитель: Доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ Н.А. Власенко. Оппоненты: Заведующий кафедрой теории и истории государства и права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ В.Н. Карташов (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова); директор института, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Р.А. Ромашов (Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказания); заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, доктор юридических наук, доцент М.Л. Давыдова (Волгоградский государственный университет). Ведущая организация: Саратовская государственная юридическая академия.

²⁰ Эти проблемы были исследованы, например, в работах В.Н. Карташова «Введение в общую теорию правовой системы общества. Ч. 2 Правотворческая практика, система и структура пра-ва: Текст лекций» (1996) и «Профессиональная юридическая деятельность (вопросы теории и практики)» (1992), Н.Н. Вопленко и А.П. Рожнова «Правоприменительная практика: понятие, основные черты и функции» (2004) и других.

которой концентрируется знание о прикладных аспектах осуществления различных видов юридической деятельности. Здесь следует говорить о юридической деятельности.

На этом основании в настоящее время в правовых науках наметилась ориентация на создание упорядоченной системы средств, способов, приемов юридической деятельности, используемых субъектами общественных отношений для достижения правовых целей в конкретных правовых ситуациях при совершении юридически значимых действий. Наиболее наглядным результатом этого процесса является количественное увеличение структурных элементов юридической техники как наиболее разработанной на данный момент теоретико-правовой концепции, посвященной исследованию прикладных вопросов осуществления юридической деятельности.

Соответственно, такое увеличение структурных элементов юридической техники и все большее их «расслоение», разнородность, удаление друг от друга по целевой направленности (какие-то элементы предназначены для составления текста закона, а какие-то – для допроса подозреваемого) объективно порождает потребность в их эффективном системном использовании, без которого в условиях усложнения социальных отношений субъекты права не могут надлежащим образом осуществлять свои интересы, определять и реализовывать свои правовые цели.

Прямым следствием этого процесса логического развития юридико-технической концепции является возросший научный интерес к юридическим технологиям как к образованию, способному расширить на системной основе разрозненные знания о средствах юридической техники с помощью системы методов, способов, правил, приемов осуществления эффективной юридической деятельности.

Таким образом, основываясь на изложенном анализе особенностей научного исследования различных аспектов юридической деятельности, можно сделать вывод о том, что развитие учения о юридической деятельности, которое связано с усложнением общественной жизни, требующей более развитых форм ее юридического опосредования, логически приводит к формированию юридической технологии как системы правил и научных знаний о них.

В научной литературе выделяют несколько видов юридической деятельности в зависимости от состава ее субъектов и участников, характера допустимых в ее пределах юридических действий и операций, используемых для осуществления этих действий и операций средств, степени интенсивности государственно-властного характера этих действий и т. д. В зависимости от данных критериев различными учеными составляются различные видовые классификации юридической деятельности. В частности, как отмечает Д.Ю. Шапсугов, в реальности имеются следующие виды юридической деятельности: правотворческий, правоисполнительный и правоохранительный. Н.Г. Александров, М.И. Байтин и И.С. Самощенко выделяют правотворческую, правоприменительную, учредительную и контрольную юридическую деятельность; В.М. Горшенев – правотворческую (подвиды: законодательная и нормотворческая), кодификационную, правоисполнительную, правоохранительную и контрольно-надзорную юридическую деятельность; А.В. Мицкевич – правотворческую, правоприменительную, распорядительную, интерпретационную, контрольную, учредительную, правоконкретизирующую юридическую деятельность [27, С. 57; 41, С. 509 и др.].

Д.Ю. Шапсугов выделяет три фундаментальные разновидности юридической деятельности, «...каждая из которых имеет свои специфические особенности и вместе с

тем лишь в единстве отражают как целостность права и обязанности, так и самой юридической деятельности». Речь идет о деятельности по:

- а) формированию права, обязанности и запретов,
- б) формулированию и закреплению права, обязанности и запретов,
- в) реализации права и обязанности [41, С. 509-510].

В отличие от Д.Ю. Шапсугова и перечисленных им ученых, В.И. Леушин дополнительно выделяет в самостоятельный вид юридической деятельности «договорную деятельность», которая складывается в сфере индивидуального правового регулирования между гражданами и юридическими лицами при использовании ими норм права [21, С. 27].

Его точку зрения разделяет А.А. Тенетко [34], относящий индивидуальные правовые акты, издаваемые при осуществлении выделяемого В.И. Леушиным вида юридической деятельности, к актам-регламентаторам, которыми вместе с нормативными правовыми актами обеспечивается полная и всесторонняя регламентация общественных отношений, устанавливаются субъекты конкретного правоотношения, объем их субъективных прав и обязанностей, а также определяются момент возникновения конкретного правоотношения, условия его развития и прекращения.

Краткий анализ приведенных выше классификаций юридической деятельности показывает, что все авторы выделяют в качестве отдельного ее вида деятельность правотворческую, а большинство авторов – и деятельность правоприменительную. Остальные виды юридической деятельности до сих пор являются предметом для дискуссий.

В настоящее время некоторыми учеными активно разрабатываются различные аспекты учения о судебном доказывании, которому, например, посвящена фундаментальная монография М.К. Треушникова [37]. Другие исследователи, например, И.В. Решетникова, даже предпринимают попытки разработать на базе этого учения концепцию доказательственного права в России как межотраслевого правового института в системе права. Изданы многочисленные монографии по вопросам доказательственного права [11, 25, 31, 32].

Однако ближайший анализ как учения о судебном доказывании, так и доказательственного права показывает, что они не смогут вместить весь инструментарий, обеспечивающий процесс осуществления всех видов юридической деятельности на всех ее стадиях и тем самым заменить концепцию юридической технологии.

В частности, это в первую очередь обусловлено сферой применения указанных выше концепций – их положения распространяются только на один вид юридической деятельности – правоприменительный, они охватывают не всю деятельность по применению права, а только один из способов осуществления этой деятельности – юрисдикционный, и, наконец, в основном они посвящены изучению деятельности судьи лишь на одной функциональной стадии – стадии установления фактических обстоятельств по делу. В результате этого за пределами учения оказываются другие функциональные стадии правоприменения.

Кроме того, названным учением не охватывается техника и тактика деятельности органов дознания и предварительного расследования в рамках уголовного процесса, в то время как в настоящее время, с учетом необходимости расширения сферы исследования прикладных аспектов юридической деятельности, теории права требуется концепция, охватывающая все виды и стадии юридической деятельности и включающая в себя

средства и правила, не урегулированные нормами процессуального и материального права.

Некоторые средства, правила, способы и приемы осуществления юридической деятельности изучаются в рамках отраслевых процессуальных наук арбитражного, гражданского и уголовного процессов, однако, как и в случае с учением о судебном доказывании, этими науками охватывается только юрисдикционный способ осуществления правоприменительной деятельности. Кроме того, в рамках этих наук сконцентрированы только те инструментальные составляющие технологии применения права судами, которые нормативно регламентированы, что значительно ограничивает технологический инструментарий субъекта юридической деятельности.

Более всего прикладные вопросы осуществления юридической деятельности раскрыты в криминалистике, которая содержит практически полный набор средств, правил, приемов, способов и методов правоприменения. Однако и криминалистика не может заполнить образовавшиеся в настоящее время пустоты в обеспечении прикладной стороны юридической деятельности соответствующим инструментарием, поскольку она ориентирована на обслуживание только одного типа правоприменения и только специальными субъектами этой деятельности – дознавателями и следователями – при проведении дознавательных и следственных мероприятий в рамках общественных отношений, регулируемых уголовным законодательством.

Также некоторые технические и технологические элементы раскрываются в рамках криминологии, виктимологии и юридической психологии, но они содержат лишь фрагментарный набор таких элементов и, как и криминалистика, ориентированы на применение в уголовно-правовой сфере.

В последнее время также активно развиваются юрислингвистика, герменевтика, которые, как считают их создатели, представляют высшую форму юридической техники и должны ее заменить. Представляется, что по своей сути эти новые институты не могут быть использованы в качестве образования, идентичного по своему значению и сфере охвата юридической технологии и даже юридической технике. Они занимают только небольшую часть той ниши, которая отведена юридической технике.

Таким образом, основываясь на изложенном анализе особенностей различных существующих в науке права концепций о некоторых прикладных сторонах осуществления юридической деятельности, можно сделать вывод о том, что они не обеспечивают системную организацию знаний о юридических технических средствах осуществления различных видов юридической деятельности в реальной правовой действительности. Полагаем, такую роль в нынешних условиях может выполнить юридическая технология. Именно с помощью этой концепции можно свести воедино на данный момент фрагментарные и разобщенные научно-практические концепции, посвященные отдельным вопросам осуществления юридической деятельности (в том числе и концепции юридической техники: законодательной, правоприменительной, техники индивидуальных правовых актов и т. п.).

Установив сущность юридических технологий, можно перейти к вопросу об определении понятия. Однако для более глубокого раскрытия этой проблемы, с нашей точки зрения, необходимо разрешить следующее: как юридическая технология соотносится с юридической деятельностью, что она представляет собой в динамическом аспекте: это активная преобразовательная деятельность или статичный свод рекомендаций?

В правовой науке к юридическим технологиям применяются оба этих подхода. Например, Н.А. Власенко является сторонником статичного определения юридической технологии, рассматривая ее как «...порядок применения и использования методов и приемов по подготовке юридического решения» [4, С. 7]. Соответственно, исходя из такого понимания, юридическая технология нетождественна юридической деятельности.

В отличие от него, В.Н. Карташов относит юридическую технологию (в том числе правоприменительную) к деятельностной сфере, указывая, что в практическом смысле она представляет собой «...процесс подготовки, оформления и обнародования разнообразных правовых решений» и включает в свой состав также «...сами действия и операции по разработке, принятию и обнародованию (опубликованию) правовых решений (актов)» [15, С. 22]. То есть ученый фактически отождествляет юридическую технологию с юридической деятельностью.

Несколько иначе подходит к проблеме определения содержания юридической технологии К.Н. Княгинин, который признает в ней наличие и статического, и динамического начал в качестве равноценных, не разделяя при этом технологию на технологию «в узком» и «в широком» смыслах и не низводя деятельную составляющую технологии до уровня одного из многочисленных элементов содержания, как это делает В.Н. Карташов.

В частности, К.Н. Княгинин на основе своего собственного вывода о практической сложности сосуществования обоих выделяемых им равноценных начал в рамках одного понятия предлагает условно, для удобства использования и оперирования в теоретических и практических исследованиях, разделить технологию на две части и использовать под разными наименованиями: «технология» и «технологический процесс».

По его мнению, среди явлений, охватываемых понятиями «техника», «технология» и производными от них понятиями, необходимо выделять отличающиеся по своей природе вещи: с одной стороны, практическую деятельность людей, а с другой – идеальные представления, знания о том, как эту деятельность надо осуществлять, описания возможных путей свершения определенных действий. С точки зрения автора, и подобные описания, и деятельность, в ходе которой они реализуются, обыкновено именуется технологией.

В связи с этим, по его мнению, если не отказаться от этого распространенного словоупотребления, то необходимо будет, заводя речь о технологии, всякий раз уточнять, что здесь имеется в виду: деятельность или знания о порядке и правилах осуществления этой самой деятельности.

На этом основании ученый делает вывод о том, что «альтернативным и, как представляется, более целесообразным вариантом использования понятия “технология”» является сведение его содержания исключительно к знаниям, рекомендациям, описаниям, касающимся практической деятельности.

Саму же деятельность, в ходе которой реализуются программирующие ее описания, можно обозначить таким, к примеру, понятием, как «технологический процесс» [17, С. 3], и в таком понимании технологический процесс, как нам представляется, практически аналогичен юридической практике как материально-преобразовательной стороне юридической деятельности.

Представляется, что за основу понимания характера юридической технологии как динамического или статичного образования нельзя взять ни одно из приведенных выше определений. Они, на наш взгляд, не в полной мере учитывают сущностной характер

юридической технологии, которая, прежде всего, является системным образованием, а потому имеет сложный, объемный состав. В силу этого она должна рассматриваться в двух аспектах: во внешнем – по отношению к объекту ее упорядочивающего и преобразующего воздействия, и во внутреннем – по отношению к составным частям и механизму самой юридической технологии как системы.

Соответственно, в зависимости от того, в каком аспекте она выступает, меняется и ее начало.

Так, по отношению к упорядочиваемым и организуемым при помощи и ее структурных элементов общественным отношениям (во внешней сфере) она представляет собой совокупность юридико-технологических средств осуществления юридической деятельности, в ходе которой преобразуются соответствующие общественные отношения. То есть в этом понимании юридическая технология является своего рода инструкцией о том, что именно необходимо предпринять для того, чтобы достичь поставленной правовой цели, каким образом необходимо осуществлять ту или иную активно-преобразовательную юридическую деятельность.

В этом своем аспекте она статична и, соответственно, нетождественна юридической деятельности в целом или какой-то ее стороне, части, которая понимается нами так же, как ее определяет Н.А. Власенко, как «...система целенаправленных действий и операций, направленных на решение юридической задачи; способ обеспечения правовых начал в обществе; вид более общей человеческой деятельности, которая часто определяется как способ существования человека, как система материально-практических, интеллектуальных и духовных операций» [4, С. 6].

Полагаем, что юридическая технология в своем прикладном значении является образованием, вспомогательным по отношению к юридической деятельности. Она фактически создана для того, чтобы обслуживать осуществление юридической деятельности своими юридико-технологическими структурными элементами, и в этом смысле мы не можем согласиться с точкой зрения В.Н. Карташова, фактически отождествившего юридическую технологию с юридической деятельностью. Если даже не принимать во внимание сущностные различия технологии и деятельности, прямым следствием такого подхода к соотношению этих понятий явится утрата юридической технологией статуса самостоятельной теоретико-правовой концепции.

Если же рассматривать юридическую технологию во внутреннем аспекте, то здесь она приобретает деятельностное начало, проявляющееся в отыскании юридико-технологических средств осуществления юридической деятельности наиболее оптимальным образом, с учетом условий конкретной правовой ситуации, способствующих достижению желаемого субъектом этой деятельности правового результата в кратчайшие сроки и с минимальными материальными, временными и правовыми затратами.

Соответственно, исходя из такого понимания характера юридической технологии, в этом своем аспекте она также не тождественна юридической деятельности и ее отдельным составляющим, так как направлена на получение юридико-технологического знания о юридических технологических средствах осуществления юридической деятельности.

Принимая во внимание и гносеологический характер юридической технологии, одним из основных составляющих ее деятельного начала следует выделить интеллектуально-волевою деятельность по созданию новых и совершенствованию уже имеющихся приемов, правил, способов, методов, составляющих ее структуру, в том числе и путем исследования данных об объективированных результатах применения этих правил и методов в

юридической деятельности, а также приспособлениях под насущные потребности активно-преобразовательной юридической деятельности теоретического знания фундаментальных наук.

Именно благодаря этому деятельностному характеру внутреннего аспекта юридическая технология является не просто совокупностью различных структурных элементов, а саморазвивающейся системой.

Эта особенность юридической технологии подтверждается приведенной выше позицией В.М. Баранова, который отметил, что она может стать некой автономной системой, движимой собственной динамикой и внутренними изменениями, «имманентно» развивающейся «на собственных корнях» [28].

Соответственно, этот дуалистический характер юридической технологии определяющим образом влияет на ее внутреннее содержание, сказывается на ее объекте и предмете.

Так, если в своем научном (познавательном) аспекте юридическая технология направлена на выяснение сущности попадающих в сферу ее воздействия явлений окружающего мира, определение их структуры и функций, объяснение причин и механизма их возникновения и дальнейшего развития, то в своем практическом (прикладном) аспекте она направлена на упорядоченное, системное применение научных знаний в реальной предметно-преобразовательной деятельности для достижения конкретной материальной цели (установление фактических обстоятельств по рассматриваемому судом гражданскому или уголовному делу, оптимальная организация судебного заседания, процесс допроса свидетелей, заключение сделки, создание текста нового закона и т. д.).

Соответственно, такой дуализм сказывается на характере воздействия юридической технологии на объект. Так, с одной стороны, она воздействует на объект в целях его практического преобразования в соответствии с целями юридической деятельности, а с другой – в целях его познания для дальнейшего совершенствования юридической деятельности.

Соответственно, предметом воздействия юридической технологии, как в познавательном, так и в преобразовательном смысле, выступает не только текст правового акта, задачи которого решает юридическая техника (Б.В. Чигидин, А.А. Тенетко), но и юридическая деятельность в целом, в ходе осуществления которой создается и реализуется право. Юридическая технология выступает здесь как средство упорядоченного оптимизирующего преобразования правовой действительности.

Выявленный дуалистический характер юридической технологии определяет ее цели и задачи. При этом необходимо отметить, что по тому, какие цели ставятся перед юридической технологией тем или иным ученым, можно без больших затруднений ответить на вопрос, что он понимает под самой юридической технологией, так как, в конечном счете, цели и задачи какого-либо явления фактически определяют и его внутреннее содержание, структуру и механизм действия.

Например, Н.А. Власенко видит цель юридической технологии в упорядочивании юридической деятельности по созданию, изменению правовых норм (законодательная технология), по принятию индивидуальных актов-документов (правоприменительная технология), по разъяснению, систематизации права (соответственно, праворазъяснительная и систематизационная технологии). В связи с этим он отмечает, что каждая частная (специальная) технология имеет свои задачи и цели, и о них можно говорить лишь как о части общего «ствола» технологии [8, С. 8-10].

Более широко определяет цели юридической технологии В.Н. Карташов, который указывает, что «главная задача юридической технологии как науки – это выявление экономических, политических, социальных, юридических и других закономерностей с целью определения и использования наиболее качественных и эффективных юридических действий и операций, требующих минимальных средств и методов, временных, людских и иных ресурсов в целом» [15, С. 22].

На наш взгляд, ни один из приведенных выше перечней целей и задач не может быть в полной мере применен к юридической технологии в том смысле, в котором она понимается нами, так как в них не в полной мере учитывается ее сложная теоретико-прикладная природа.

Так, с одной стороны, как отмечают некоторые ученые, целью юридической технологии должно быть обеспечение субъектов юридической деятельности юридико-технологическими средствами создания и реализации права (своего рода юридическими орудиями труда), а с другой – получение знания о сущности средств, приемов, методов и правил создания и реализации норм права в юридической деятельности; приспособление данных различных наук под конкретную цель создания или реализации права; разработка на этой базе правил поведения, стандартных алгоритмов, шаблонов поведения субъектов юридической деятельности с целью достижения ими оптимального желаемого правового результата; упорядочивание, систематизация юридической деятельности и выработка средств осуществления юридической деятельности в рамках этих шаблонов; разработка инструкций, рекомендаций, методик и других внешних форм выражения юридико-технологического знания относительно осуществления различных видов юридической деятельности.

Специфика объекта юридической технологии проявляется в том, что целью гносеологической ее стороны является изучение практики применения инструментария юридической технологии в конкретных правовых ситуациях с точки зрения его эффективности и совершенствования на этой основе юридико-технологического инструментария на основе полученного таким образом нового знания. Благодаря этому своему свойству юридическая технология имеет право называться самосовершенствующейся системой.

Таким образом, сущность юридической технологии состоит в единстве и взаимодействии познавательного, преобразующего и упорядочивающего воздействия субъекта на подлежащие преобразованию общественные отношения, складывающиеся по поводу создания и реализации права.

В рамках юридической технологии осуществляется освоение и приспособление данных различных юридических и неюридических наук под конкретную цель создания и использования юридико-технических средств для разработки на этой базе алгоритмов поведения субъектов юридической деятельности с целью получения ими оптимального желаемого правового результата.

Проанализируем представленные определения с целью выяснения существенных признаков понятия и составления авторского определения. В представленных определениях «юридической технологии» немного общего. Однако при детальном рассмотрении можно выделить определенные общие черты, которые как действительно принадлежат юридической технологии, так и приписаны ей вследствие недостаточной определенности рассматриваемого понятия.

Во-первых, представленные определения сходятся в том, что юридическая технология – это деятельность человека, то есть форма активного отношения человека к окружающему миру, содержание которой составляет его (мира) целесообразное изменение и преобразование.

Во-вторых, авторы едины во мнении, что эта деятельность носит сознательный, целенаправленный, интеллектуально-волевой характер и направлена на формирование правового бытия.

В-третьих, если эта деятельность целенаправленна, то следует указать результат, который необходимо получить. Таким результатом являются правовые решения, или акты. Нужно отметить, что результаты юридической деятельности могут быть не только положительными, но и отрицательными. Например, недостатки законодательства могут возникать как сознательно, так и в результате добросовестного заблуждения субъектов законодательного процесса.

В первом случае необходимо, по-видимому, говорить о таких явлениях, как правонарушение, злоупотребление правом (правовой произвол), юридические софизмы и уловки, наконец, лоббизм [12, 23]. В другом случае речь идет о так называемой ошибочной юридической деятельности, то есть непреднамеренном деянии (действии, бездействии) субъекта законодательного процесса, нарушающем общие принципы и нормы материального и процессуального права, другие юридические предписания, не достигающем целей правового регулирования и требующем определенных мер социально-правовой защиты [40]. В конкретизации к представленному примеру речь идет о правотворческой ошибке – официально реализованном добросовестном заблуждении, результате неправильных действий нормотворческого органа, нарушающих общие принципы либо конкретные нормы правообразования, не соответствующих уровню и закономерностям государственно-необходимого развития регулируемой деятельности и влекущих путем издания ложной нормы права неблагоприятные социальные и юридические последствия [2, С. 357].

В-четвертых, юридическая технология тесно связана с юридической техникой. Как считает Н.А. Власенко: «Если юридическая технология отвечает на вопрос: как делать, в какой последовательности осуществлять те или иные юридические операции, – то юридическая техника отвечает на вопрос: с помощью каких приемов, каких средств должны осуществляться те или иные технологические операции, действия» [4, С. 9].

В-пятых, юридическая технология как особая юридическая деятельность имеет сложный характер, что обусловлено, с одной стороны, ее влиянием на существующее позитивное право, с другой стороны, сама технология частично формализована в действующих правовых актах. «Технология в современных условиях – сложное иерархическое образование, которое включает в себя инструментально-аппаратные средства, используемые в производстве материальных изделий, в сферах услуг, политики, культуры, процедуры, предполагающие разделение и координацию деятельности, подсистемы принятия решений, управления, контроля, коммуникаций, информации и знаний, все виды природных, человеческих, финансовых, энергетических, когнитивных и антропотехногенных ресурсов, а также совокупность социальных, экологических и демографических последствий в локальном, региональном и глобальном масштабах», – утверждает А.И. Ракитов [26; 30, С. 746; 36]. Таким образом, юридическая технология требует постоянного пополнения различного рода ресурсов, и ее развитие невозможно без их поглощения.

В-шестых, внутренне технология представляет собой систему этапов, осуществляемых в определенной последовательности. Нарушение этой последовательности с неизбежностью влечет снижение качества правового акта, на создание которого направлена юридическая технология.

Дефекты правового акта могут быть самые разнообразные: от формально-логических ошибок в тексте до отсутствия необходимых материальных и духовных ресурсов, которые должны обеспечить его действие.

Несмотря на определенную общность суждений, немногие авторы отмечают, что, во-первых, юридическая технология является частью юридической практики и имеет тесную связь не только с юридической техникой, но также с юридической тактикой и стратегией. Во-вторых, как правильно отмечает А.К. Черненко, грамотно выстроенная юридическая технология – залог качества правовых актов и устойчивости правовой системы [39, С. 26-28]. Тем не менее, мы считаем, что ограничиваться констатацией данного признака в определении понятия «юридической технологии» не стоит, так как суть определения какого-либо понятия состоит в перечислении всех существенных признаков, дабы отграничить данное понятие от сходного. В-третьих, в юридической технологии находят свое отражение конкретно-исторические условия юридической деятельности: политические, экономические, религиозные, социальные, культурные, технические и др. [33, С. 14-16]. В-четвертых, процесс становления права (и юридической технологии) шел как «сверху», то есть от доктрины к практике, так и «снизу», то есть от реальных отношений через их обобщение и типизацию к становлению системы норм. Таким образом, нужно отметить двухстороннюю генеральную связь между юридической технологией и юридической практикой. В-пятых, актуально и правильно отражено понимание юридической технологии как науки, системы знаний о средствах, способах и методах наиболее эффективной и плодотворной юридической практики. Это дает возможность применять при разработке данной проблемы научный аппарат и позволяет прогнозировать развитие проблемы, основываясь на определенных принципах и планах.

Специфической и главной функцией науки является приобретение знания, функцией техники – использование определенных средств и продуктов, функцией технологии – применять знания об использовании этих средств. При этом цель науки – познавать; цель технологии – объединение наличного знания науки с арсеналом доступных средств для достижения запланированного результата. Как пишет В.М. Баранов, «Формирование юридической технологии в полном и точном смысле этого термина есть результат развития современной правовой науки. Часто вновь обретенные юридические знания сразу используются для создания новых правовых процедур. Порой знания даже специально ищут ради некоторого организационно-технического применения» [28, С. 12]. В итоге автор заключает, что «постоянные сетования об отсутствии либо слабости механизмов реализации норм права и законодательных актов и есть призывы к выработке новой правовой технологии» [28, С. 13]. В современных работах принято объединять доктринальные и нормативные начала, например, так: «Под правоприменительной техникой можно понимать совокупность теоретических положений, правовых требований, специальных приемов и средств оформления и составления документов юридического процесса» [19, С. 37].

Юридическая технология – это не только управляющая, но и управляемая система [1, С. 374-390]. Только путем постоянного взаимодействия с ней и влияния на нее можно достичь создания эффективно действующих правовых актов.

Кроме перечисленных, нам хотелось бы отметить еще один признак – связь юридической технологии с уровнем общей и, в частности, правовой культуры общества. Только развитая культура позволяет обществу создавать высокотехно-логичные правовые акты. Обозначенный тезис можно легко подтвердить, взяв за основу историю развития права, когда при низком уровне культуры правовые акты казуистичны (например, Салическая правда и общество Франков), а при высоком – в значительной мере абстрактны (римское право и римское общество).

Также нужно отметить, что не все ученые разделяют необходимость внедрения в науку понятия «юридическая технология». Например, В.А. Белов считает, что «понятие «юридическая техника» является устойчивым и традиционным для правоведения. Попытка его замены приведет к еще большей путанице понятий и терминов» [3, С. 9]. А.В. Иванчин полагает, что в условиях разброса мнений касательно понятия самой законодательной техники бесперспективным является внедрение в учение о данной технике неологизмов, к числу которых автор относит понятия юридической (в том числе правоприменительной) технологии [14, С. 29]. Подобной позиции придерживается и академик Е.А. Климов: «нередко известные вещи переобозначаются «тарабарскими» словами. Вместо «методы», «средства» появляются «технологии», «многомерный инструментарий»» [16, С. 25].

Сохранение критически осмысленных научных положений имеет, безусловно, важное значение, однако фобия введения новых категорий ставит под угрозу выполнение одной из главных задач науки – задачу приращения знания.

На наш взгляд, отвержение понятия «юридическая технология», выражаемое некоторыми авторами, объясняется, главным образом, опасениями перед вероятностью возникновения терминологической путаницы в науке. Кроме того, свою лепту вносит и определенная дань традиции, своего рода, привычность звучания существующего термина «юридическая техника». Однако подобная ригидность только усугубляет ситуацию. Вместо развития передового опыта, закрепления и детального обоснования новых знаний, усилия тратятся на приспособление существующих теорий к отношениям, которые объективно не могут быть в них встроены.

Пытаясь вплести выпадающие из общей системы элементы, авторы вводят внутреннюю и внешнюю форму, узкий и широкий подход, манипулируют с границами формы и содержания, хотя в подобном случае достаточно лишь назвать вещи своими именами и «лишние» элементы сами расположатся в «порядке самом естественном». Нужно согласиться с мнением Г.И. Муромцева, что в результате таких изощрений «понятие «юридическая техника» приобретает все большую многозначность и подвижность, что крайне нежелательно, поскольку всякая научная категория должна иметь лишь одно значение» [24, С. 23].

Основываясь на приведенном исследовании соотношения юридической технологии с юридической техникой и юридической деятельностью можно сформулировать следующее определение: юридическая технология представляет собой систему знаний об оптимальном использовании юридико-технических средств, в рамках стратегий, тактик, методов, способов, правил, приемов, используемых в процессе формирования, закрепления и реализации правовых норм для удовлетворения индивидуальных и общественных потребностей и интересов.

В теории права организационную сторону юридической деятельности в самом общем виде выражает понятие «юридический процесс», которое используется при раскрытии

содержания правоприменительной деятельности и иногда – правотворческой. Так, в основном в теории права выделяются следующие виды юридического процесса: учредительный процесс, правотворческий процесс [7, С. 5-10]², правоприменительный процесс и иногда – процесс праворазъяснительный [5, С. 15-17]. Теория различных правооуществительных, а также правообеспечительных юридических процессов в теории права пока не разработана, хотя исследования в этом направлении ведутся. Например, в 2005 году вышло в свет объемное монографическое исследование А.Н. Кучера, фактически посвященное проблемам правоиспользовательного процесса, озаглавленное: «Теория и практика преддоговорного этапа: юридический аспект» [20, С. 113].

Само понятие «юридический процесс» используется в теории права и отраслевых юридических науках в разных смыслах.

Например, по мнению Е.П. Шикина, юридический процесс представляет собой «...процесс движения, развития материального права от его создания до полной реализации» [42, С. 10].

Другие ученые определяют юридический процесс и отдельные его виды как деятельность. Обычно подобное понимание процесса характерно для ученых, анализирующих проблемы правоприменительного процесса в рамках термина «судопроизводство». Так, Н.Н. Вопленко раскрывает правоприменительный процесс как «...логически взаимосвязанное развитие действий и операций, из которых и складывается вся деятельность по изданию правовых актов различной юридической силы и совершению юридически значимых поступков» [6, С. 50]; по мнению М.С. Шакарян, «гражданское судопроизводство (гражданский процесс) – это урегулированная гражданским процессуальным правом деятельность суда, участвующих в деле лиц и других участников процесса, а также органов исполнения судебных постановлений (судебных приставов-исполнителей)» [10, С. 22]. О.А. Чванов практически также определяет правоприменительный процесс, считая, что с объективной стороны реализация права (правореализационный процесс) представляет собой совершение в известной последовательности, в сроки и в месте, предусмотренные нормами права правомерных действий [38, С. 102].

Д.М. Чечот объединяет приведенные выше позиции. Он пишет: «...гражданский процесс может определяться как порядок совершения процессуальных действий. <...>

С другой стороны, процесс следует анализировать как саму по себе деятельность по рассмотрению гражданских дел. Можно сказать, что «порядок» находится в статике, а процессуальная деятельность – это «динамика» гражданского процесса» [9, С. 6].

Кроме этого, исходя из организационной сущности управленческих отношений²¹, ученые выделяют в структуре юридического процесса две составляющие ее части – формирующую и функционирующую.

Формирующая часть юридического процесса представляет собой систему способов, правил и методов осуществления организационной деятельности для достижения целей конкретной юридической деятельности, осуществления материальных правоотношений, а

---

²¹ Например, Ю.М. Козлов отмечает, что «...организация – это внутреннее содержание управленческих отношений, составляющее суть управления как процесса упорядочивающего воздействия на те или иные субъекты. Организация включает в себя как элемент формирующего свойства (построение систем, объединение людей в коллективы и т. д.), так и функционирующего свойства (динамика систем, управленческих связей, самого процесса управления). См.: Козлов Ю.М. Управление народным хозяйством в СССР. М., 1971. Ч. 2: Система управления народным хозяйством. С. 126–127.

функционирующая – саму организационную деятельность, посредством совершения которой и достигаются цели юридической деятельности.

Таким образом, на основе приведенного выше анализа можно сделать вывод о том, что юридический процесс в смысле порядка осуществления процессуальной деятельности относится к формирующей части юридического процесса, а юридический процесс, обозначаемый термином «судопроизводство» и под которым понимается реальная деятельность, – к функциональной части юридического процесса.

При этом возникает вопрос о соотношении с юридическим процессом понятия «юридическая процедура», которое иногда отождествляется с юридическим процессом, а иногда – с правоприменительной технологией.

Следует отметить, что в теории права соотношение этих понятий до сих пор является предметом научных дискуссий. Причем в авторских концепциях различных ученых можно отыскать все три возможных варианта соотношения этих понятий: некоторые авторы определяют эти понятия как тождественные [22, С. 25], другие отмечают, что понятие «процедура» шире понятия «процесс» [43, С. 25], а третьи, наоборот, рассматривают процессуальную форму как совокупность процедур [8, С. 13].

Юридический процесс и юридическая процедура, на наш взгляд, относятся к одной и той же организационной стороне составляющих юридическую деятельность отношений. Они представляют собой родственные понятия, но, полагаем, что отождествление их, как и включение процесса в структуру процедуры, является неверным. Как отмечают И.М. Зайцев и Н.А. Рассахатская, «юридический процесс может рассматриваться как совокупность последовательно совершаемых действий и постановляемых актов и включает в себя как различные правовые процедуры, так и судебные процессы (судопроизводства)» [13, С. 49]. По мнению этих авторов, процессуальная форма создана для упорядочения деятельности суда и иных участников судопроизводства (конституционного, гражданского, административного, уголовного). Иные порядки юридической деятельности – не процессы, а процедуры [13, С. 50].

Таким образом, процедура, в отличие от судопроизводства, применяется во внесудебных производствах, то есть заложенные в ней правила обращены в первую очередь к органам и учреждениям представительной и исполнительной власти. При этом юридическая процедура – это составная часть материального права. В отличие от процессов она регламентируется материально-правовыми нормами, содействует реализации материального регулятивного правоотношения [29, С. 62].

Такой же деятельный и материально-правовой характер процедуры проявляется и в процедуре правотворческой, которая определяется как «...установленный порядок прохождения проектов законов и других нормативно-правовых актов, вплоть до их принятия и вступления в силу» [35, С. 549], то есть как нормативно урегулированные действия уполномоченных субъектов по принятию (изданию) правовых актов.

Основываясь на выявленном соотношении юридической процедуры с юридическим процессом, можно сделать вывод о том, что юридическая процедура, наряду с судопроизводством, составляют функциональную часть юридического процесса, в ходе которой в рамках юридического процесса и осуществляется организационная деятельность.

Литература

1. Алексеев П.В., Панин А.В. Философия. М., 1998.
2. Баранов В.М. Истинность норм советского права. Проблемы теории и практики. Саратов, 1989.
3. Белов В.А. Юридическая техника российского налогового законодательства (общетеоретический анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002.
4. Власенко Н.А. Юридическая техника как комплексная система знаний // Доктринальные основы юридической техники / под ред. Н.А. Власенко. М., 2010.
5. Вопленко Н.Н. Официальное толкование норм права. М., 1976.
6. Вопленко Н.Н. Социалистическая законность и применение права. Саратов, 1983.
7. Горшенев В.М. О разновидностях юридического процесса // Актуальные проблемы юридического процесса в общенародном государстве. Ярославль, 1979. С. 5–10.
8. Горшенев В.М., Недбайло П.Е. Процессуальная форма и ее социально-юридические возможности в социалистическом обществе // Юридическая процессуальная форма. Теория и практика. М., 1976.
9. Гражданский процесс: учебник / под ред. В.А. Мусина, М.А. Чечиной, Д.М. Чечота. 2-е изд. М., 1998.
10. Гражданское процессуальное право / под ред. М.С. Шакарян. М., 2004.
11. Демушкин А.С. Документы и тайна. М., 2003.
12. Денисов С.А. Типичные приемы законодательной техники, используемые в интересах групп управленцев // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: сборник статей: в 2 т. / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2001. Т. 1. С. 254–268.
13. Зайцев И.М., Рассахатская Н.А. Гражданская процессуальная форма: понятие, содержание и значение // Государство и право. 1995. № 2. С. 47–50.
14. Иванчин А.В. Уголовно-правовые конструкции и их роль в построении уголовного законодательства: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2003.
15. Карташов В.Н. Теория правовой системы общества: в 2 т. Ярославль, 2005.
16. Климов Е.А. О некоторых нежелательных традициях в работе диссертационных советов по педагогическим и психологическим наукам // Бюллетень ВАК Минобрнауки России. 2002. № 1. С. 22-28.
17. Княгинин К.Н. Охранительные правоприменительные акты: вопросы теории и технологии. Свердловск, 1991.
18. Козлов Ю.М. Управление народным хозяйством в СССР. М., 1971. Ч. 2: Система управления народным хозяйством.
19. Корж П.А. Юридическая техника: учебное пособие. Пермь, 2014.
20. Кучер А.Н. Теория и практика преддоговорного этапа: юридический аспект. М., 2005.
21. Леушин В.И. Юридическая практика в системе социалистических общественных отношений. Красноярск, 1987.
22. Лучин В.О. Процессуальные нормы в советском государственном праве. М., 1976.
23. Любимов А.Л. Формирование лоббистских правоотношений в российском обществе: конституционно-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002.

24. Муромцев Г.И. Юридическая техника: некоторые аспекты содержания понятия // Проблемы юридической техники / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000.
25. Новицкий В.А. Теория российского процессуального доказывания. Ставрополь, 2002.
26. Педагогика: педагогические теории, системы, технологии / под ред. С.А. Смирнова. М., 2008.
27. Правотворчество в СССР / под ред. А.В. Мицкевича. М., 1973.
28. Проблемы юридической техники: сборник статей / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000.
29. Протасов В.Н. Основы общеправовой процессуальной теории. М., 1991.
30. Ракитов А.И. Прогноз развития науки и технологий в России на период до 2025 года // Вестник Российской академии наук. 1998. № 8. Т. 68. С. 746-753.
31. Решетникова И.В. Доказательственное право в гражданском судопроизводстве. Екатеринбург, 1997.
32. Решетникова И.В. Курс доказательственного права в российском гражданском производстве. - М., 2000.
33. Семенова Н.В. Конфликтная юридическая деятельность: проблемы теории и методологии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Н. Новгород, 2002.
34. Тенетко А.А. Юридическая техника правоприменительных актов: дис. ... канд. юрид. наук. - Екатеринбург, 1999.
35. Теория государства и права / под ред. М.Н. Марченко. - М., 2009.
36. Традиционная и современная технология (философско-методологический анализ) / отв. ред. В.М. Розин. - М., 1999.
37. Треушников М.К. Судебное доказывание. - М., 2005.
38. Чванов О.А. Механизм правоприменения: дис. ... канд. юрид. наук. - Саратов, 1995.
39. Черненко А.К. Философия права. - Новосибирск, 1997.
40. Чувакова Л.А. Отличие ошибочной юридической деятельности от сходных правовых явлений // Актуальные проблемы теории правовой системы общества: сборник научных трудов / отв. ред. В.Н. Карташов. - Ярославль, 2002. - Вып. 2. - С. 57-62.
41. Шапсугов Д.Ю. Проблемы теории и истории власти, права и государства. - М., 2003.
42. Шикин Е.П. Структура юридического процесса и эффективность права // Юридические гарантии применения права и режим социалистической законности. - Ярославль, 1976. - 32 с.
43. Шиндяпина М.Д. Стадии юридической ответственности. - М., 1998.

Kolesnik I.V. Juridicheskie tehnologii kak forma juridicheskoy dejatel'nosti / I.V. Kolesnik // Nauka. Mysl'. - № 3. – 2016.

© И.В. Колесник, 2016.
© «Наука. Мысль», 2016.

Abstract. Materials of this issue presents the dissertation research devoted to consideration of the theoretical model of law-enforcement technology, its operation and improvement.

Keywords: legal science, law-enforcement technology, justice.

— ● —

Сведения об авторе

Ирина Валентиновна **Колесник** - профессор кафедры гражданского права, доктор юридических наук, доцент, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (Ростов-на-Дону, Россия).

— ● —

Подписано в печать 20.02.2016.
© Наука. Мысль, 2016.